

О СОКОЛОВЕ А. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

СОКОЛОВ Александр Николаевич, родился ок. 1903. Получил среднее образование, работал рабочим-сборщиком пирометров на заводе. Студент физико-математического факультета ЛГУ; преподавал также математику и физику на технических курсах для рабочих; давал консультации по математике. 29 ноября 1932 — арестован по групповому делу¹, приговорен к 10 годам ИТЛ и в апреле 1933 — отправлен в Дальлаг (Магадан).

В феврале 1936 — к Екатерине Павловне Пешковой обратился за помощью его отец, Николай Федорович Соколов.

<9 февраля 1936>

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬНИЦЕ КОМИССИИ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ЗАКЛЮЧЕННЫМ

Екатерине Павловне ПЕШКОВОЙ

От гр<аждани>на Соколова Николая
Федоровича, жит<еля> гор<ода>
Ленинграда, Поварской переулоч, 3, кв. 6

ЗАЯВЛЕНИЕ

29 ноября 1932 года мой сын — Александр Николаевич Соколов — студент последнего курса физико-математического факультета Ленинградского Государственного Университета, сдавший все зачеты выпускного экзамена, был арестован органами ГПУ и приблизительно 19 апреля 1933 года под арестом направлен в Дальневосточный Край, бухту НАГАЕВО, для отбывания назначенного ему Коллегией ГПУ наказания в виде десятилетнего лишения свободы в трудовых колониях.

С 29 ноября указанного года и по настоящее время я, его отец, имел с ним лишь одно свидание в течении 20 минут перед отправкой его в Дальневосточный Лагерь ГПУ близ бухты НАГАЕВО.

Что послужило основанием к аресту моего сына и к наложению на него столь тяжкого наказания, я до сих пор не знаю, и сын мой при упомянутом двадцатиминутном свидании после приговора сказал мне, что он не знает за собой никакой вины пред Советской Властью, и что на следствии по его делу ему не было вменено ни одного преступного факта.

С сыном были арестованы его товарищи по Университету, Злотин и Дорватовский, имен их не знаю, находившиеся по слухам там же, где и находится мой сын.

Сыну моему в то время было 29 лет. Это мой единственный сын, это моя единственная надежда и весь смысл моей жизни. Он человек очень серьезный, очень спокойный, хорошо знающий высшую математику, и специалист по общей теории физики, много проработавший над этой наукой и во время слушания лекций в Университете и как преподаватель математики и физики на разного рода технических курсах монтеров, электротехников, трактористов и проч<их> и консультации по математике при Ленинградском Доме им<ени> Глерона. Оставшаяся после него библиотека говорит о том, как он любил свою науку — ни одна новинка в области его знаний не ускользнула от его внимания. Все время он исключительно занимался наукой, был чужд обычных увлечений его возраста, готовился к аспирантуре и ученой карьере.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1717. С. 112-113.

В своих письмах из Нагаево он ничего не говорит о пережитом и просит об одном — о высылке ему книг по его специальности, а последние его слова при уходе из дома были: сохраните мою библиотеку.

Все мои попытки выяснить истинную картину произошедшего ни к чему не привели, так как у сына почти не было товарищей, и к нему почти никто не ходил в нашу квартиру, а он сам поражал меня своим стремлением, не имел кампании товарищей и проводил все время за книгой.

Убеждения его были всегда самые лояльные, и много раз он восхищался колоссальными успехами строительства небывалой в мире страны, и его мечтой было в полном вооружении настоящих, солидных знаний отдать свои силы этому строительству.

Обучение в Университете и затянулось благодаря таких его наклонностей к приобретению прочных знаний, а также потому, что до поступления в Университет он года два с лишком был рабочим-сборщиком пирометров на заводе и потом все время работал рабочим в Университетской мастерской электрических измерителей, пользовался доверием начальства, был командиром на выставки от имени мастерской.

При наличии указанных данных, которые передаю Вам с полной искренностью, для меня арест сына и обвинение его по 58 ст<атье> УК является полной загадкой. Я только узнал одно, что сыну вменены в вину ст<атьи> 58-11 и 58-10 УК. Где и что он сделал, мне никто ни в ГПУ, никто из его товарищей не сказал.

Мои ходатайства за него остались без ответа. Между тем прошло уже три года, как он находится в лагерях ГПУ. Как человек с квалифицированными знаниями он, судя по его редким сообщениям, привлечен к работе по исследованию радиоактивности горных пород, ведет себя хорошо, не раз был поощряем, и считается очень полезным и нужным специалистом. В то же время письма его полны глубокой тоски, и я вижу, что человек все же не может найти себе той дороги, к которой так усиленно и с такой затратой времени и сил готовился.

Я уверен, что сын мой своей работой, своим поведением, полной преданностью своей обновленной стране, всей своей идеологией вполне засвидетельствовал в настоящее время, под прямым наблюдением за ним органов Государственной Безопасности, что он вполне советский гражданин, что он человек той новой формации, которая выкована Советской Властью, для которой мыслима жизнь и работа только в советских условиях. Сын трудящегося, выросший в чисто трудовых условиях, я работаю по найму в гос<ударственных> учреждениях с 1904 года без перерыва, сам все время работавший и живший на свои средства, он не может иметь иной идеологии и иных навыков, как навык человека трудового, а вместе с тем не может быть врагом и новых начал, заложенных в жизнь Советской Властью.

Прошу Вас ознакомиться с делом моего сына по материалам Ленинградского П<олномочного> П<редставителя> ОГПУ от 1932-33 года и возбудить вопрос об освобождении его, как человека вполне заслужившего свободы советского гражданина.

Соколов»².

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д.1546. С. 125-126. Машинопись, подпись — автограф.